

Univerzita Karlova

Filozofická fakulta

Ústav translatologie

Bakalářská práce

Daria Uslontceva

Překladatelství a tlumočnictví

Mezikulturní komunikace: čeština jako cizí jazyk – ruština

Komentovaný ruský překlad JEŽKOVÁ, A. Strážci pražských ulic. Praha:

Mladá Fronta, 2006. Výběr jedenácti kapitol.

Комментированный русский перевод JEŽKOVÁ, A. Strážci pražských ulic.

Praha: Mladá Fronta, 2006. Одиннадцать избранных глав.

Annotated Russian Translation of JEŽKOVÁ, A. Strážci pražských ulic.

Praha: Mladá Fronta, 2006. Eleven selected chapters.

Vedoucí práce: Mgr. Ing. Maria Molchan, Ph.D.

Praha 2019

Poděkování

Chtěla bych poděkovat vedoucí bakalářské práce Mgr. Ing. Marii Molchan, Ph.D. za cenné rady a odborné vedení. Dále bych chtěla poděkovat Mgr. Anně Rosové za poskytnuté konzultace.

Také bych chtěla poděkovat své rodině a přátelům, kteří mě podporovali po celou dobu mého studia.

V neposlední řadě patří vděk také Mgr. Aleně Ježkové, Ph.D. za inspiraci a vstřícnost při zodpovězení dotazů týkajících se této práce.

Prohlášení

Prohlašuji, že jsem bakalářskou práci vypracovala samostatně, že jsem řádně citovala všechny použité prameny a literaturu a že práce nebyla využita v rámci jiného vysokoškolského studia či k získání jiného nebo stejného titulu.

V Praze dne

Daria Uslontceva

Anotace

Tato bakalářská práce se skládá ze dvou částí. První část je překlad jedenácti kapitol z knihy Aleny Ježkové *Strážci pražských ulic* do ruštiny. Druhá část obsahuje komentář k překladu a skládá se z překladatelské analýzy originálu, stanovení překladatelské koncepce, typologie překladatelských problémů a metody jejich řešení.

Klíčová slova: překlad, překladatelská analýza, koncepce překladu, překladatelský problém, překladatelský posun

Аннотация

Данная бакалаврская работа состоит из двух частей. Первая часть представляет собой перевод одиннадцати глав из книги «Стражи пражских улиц» Алены Йежковой (*Strážci pražských ulic*, A. Ježková) на русский язык. Вторая часть содержит комментарий к переводу и состоит из переводческого анализа оригинала, определения концепции перевода, типологии переводческих проблем и способов их решения.

Ключевые слова: перевод, переводческий анализ, концепция перевода, переводческая проблема, переводческая трансформация

Abstract

This bachelor thesis consists of two parts. The first part is a translation of eleven chapters from the book *Strážci pražských ulic* written by Alena Ježková into Russian language. The second part contains a commentary of translation and consists of translation analysis of the source text, concept of translation, translation problems and methods for their solutions.

Key words: translation, translation analysis, the concept of translation, translation problem, translation shift

Содержание

Введение	7
Глава 1. Перевод	8
Глава 2. Комментарий к переводу	40
2.1 Анализ оригинала.....	40
2.1.1 Об авторе	40
2.1.2 О книге.....	40
2.1.2.1 Общая характеристика	40
2.1.2.2 Стил ь и функции.....	40
2.1.2.3 Лексические особенности	41
2.1.2.4 Синтаксические особенности.....	42
2.2 Концепция перевода.....	43
2.3 Типология переводческих проблем и их решения	44
2.3.1 Лексический уровень	44
2.3.1.1 Имена собственные	44
2.3.1.2 Термины.....	47
2.3.1.3 Труднопереводимые слова и словосочетания	49
2.3.2 Грамматический уровень.....	50
2.3.3 Прагматический уровень	55
2.3.4 Стилистический уровень	58
Resumé.....	60
Список использованной литературы	61
Приложение: текст оригинала	64

Введение

Целью первой части данной работы является перевод выбранных глав из книги чешской писательницы и публицистки Алены Йежковой «Стражи пражских улиц». Произведение Йежковой посвящено такому архитектурному явлению как домовые знаки. В книге описывается причина их появления на пражских домах, значение для чешской истории и место в мировой культуре. Данный труд может представлять интерес для широкого круга читателей и не требует от них специальных знаний. Книга «Стражи пражских улиц» была выбрана нами для перевода по причине ее нетривиальной тематики, которая заинтересует и русскоязычную публику, а также благодаря живому, увлекающему повествованию, из-за которого книгу было приятно как читать, так и переводить.

Целью второй части данной работы является анализ текста оригинала и разработка переводческой концепции. Также в этой части будут описаны переводческие проблемы и методы их решения на лексическом, грамматическом, прагматическом и стилистическом уровнях.

Глава 1. Перевод

Алена Йежкова — Стражи пражских улиц



<http://domovnisznamení.chlumsky.eu/>

Единорог

«У Белого единорога» («У Каменного барашка»)

Староместская площадь, 17, Прага 1 — Старое Место

(Staroměstské nám. 17, Praha 1 — Staré Město)

Неумолимое течение времени может изменить образ сказочных существ до неузнаваемости.

Единорог стал популярен в XXI веке благодаря голливудскому кинематографу и художественной фантастике. Тут он предстал в образе создания неземной красоты белоснежного цвета с золотым рогом посередине лба, иногда даже с крыльями, взятыми взаймы у небесного Пегаса. Однако античный лекарь Ктесий описывал единорогов как резвых ослов белого цвета с пурпурной головой, голубыми глазами и красно-черно-белым рогом. Путешественник Марко Поло, в свою очередь, видел создание с однорогой свиной головой и телом слона. Даже чешский историк эпохи барокко Богуслав Балбин ничем не уступает классикам и описывает единорога как существо, состоящее из нескольких животных, которое «устрашающе ревет, телом подобно коню, ногами – слону, хвостом – свинье, головой – оленю, но вместо двух рогов – один и длинный...». И куда делась вся мифическая утонченность?

К счастью, на большей части средневековых изображений, в первую очередь на гобеленах из знаменитой коллекции в музее Ключни под названием «La Dame à la licorne», единорог представлен как белый конь с элегантным рогом, в том виде, в котором мы знаем его из геральдики. Будучи символом целомудрия, он украсил много гербов дворянских родов в Европе, в том числе чешских и моравских. Единорог присутствует на гербах чешских городов Тршесть и Жировнице. И трудно себе представить более изящный мотив для герба поэта, ведь он приглянулся даже классику немецкой литературы Фридриху Шиллеру.

Криштоф Гарант из Полжиц и Бездружиц в своих трудах из путешествия в Палестину привел инструкцию, как изловить пугливого зверя. Пересказать ее можно, наверное, так: «Возьмите одну чистую и невинную девушку и поместите ее в глубокий лес, куда единорог приходит на пастбище или за водой. Когда дикий и коварный зверь заметит девушку, то вмиг сделается покорным и почтит чистоту девственного тела тем, что положит ей на колени свой драгоценный рог и уснет как младенец». Образно говоря, только чистая девушка может обуздать мужское желание.

В Европе в Средние века господствовало твердое убеждение о существовании единорогов, блуждающих по дремучим лесам далекого Востока. Так было потому, что иностранные торговцы снабжали Европу редкими длинными и острыми рогами мнимого единорога, которые у них за большие деньги покупали дворяне и фармацевты. В коллекции императора Рудольфа II находилось, согласно описи того времени, целых одиннадцать штук настоящих единорожьих рогов. Люди верили, что размолотый рог действует как противоядие ко всем известным ядам, а при регулярном употреблении гарантирует крепкое здоровье, долголетие и сексуальную активность. С 1588 года сохранилось письмо шведского короля Юхана III, в котором он просит своего сына, чтобы тот раздобыл ему новый рог единорога, ибо прежний он уже израсходовал. Поскольку рог единорога использовался как лекарство, изображение этого волшебного зверя часто появлялось на вывесках старых аптек.

Что из этого правда? Начало веры в единорогов и целительные свойства их рогов стоит искать в восточной Азии и Африке, где уже в течение многих веков порошок из рога носорога является традиционным лекарством восточной медицины. Тяжело поверить, что из-за его предполагаемых афродизиакальных свойств носорогам по сей день угрожает охота браконьеров. Не помогают даже исследования современной медицины, согласно которым речь идет об обычном кератине, подобном тому, из которого состоят человеческие ногти... А вот рога единорогов из дворянских коллекций и сокровищниц храмов — это, чаще всего, бивни моржей или нарвалов.

На одной только Староместской площади находится сразу несколько домов, которые в определенный период своего существования несли название «У Белого единорога». Среди них дом номер 15, названный так из-за одноименной аптеки, которая была здесь в XVIII веке. Дом номер 20 на углу Железной улицы, который славится роскошным сводом в первом этаже – творением рук скульптора Матиаша Рейсека, с XV века также назывался «У Золотого единорога», хотя позже стало преобладать новое название – «У Белого конька». Домовой знак с единорогом сохранил на своем фасаде только дом номер 17, который, однако, уже с середины XV века называют также «У Каменного барашка». А если хорошо присмотреться, то сразу становится понятно, откуда взялись и барашек, и единорог...

А как вы думаете, на изящном каменном барельефе невинная дева укрощает дикого единорога или просто девушка ведет смиренного барашка, который в пучине веков потерял один рог?



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>

Олень

«У Золотого оленя»

ул. Томашска, 4, Прага 1 — Мала Страна

(Tomášská 4, Praha 1 — Malá Strana)

Олень – это символ скорости и, конечно же, охоты.

Средневековые приписывали оленю благородную способность побеждать зло, которое олицетворял змей. Считалось, что олень почувствует его издалека, по-боевому три раза протрубит и гада растопчет. Если олень воспринимался как благородное и героическое животное, почему тогда известное выражение «рогоносец» так неприятно для его носителя? Возможно, потому что порошок из оленьего рога был в средние века суррогатом лекарства из рога мифического единорога, который якобы надежно лечил импотенцию. А рогоносцами, скорее всего, называли тех, кто покупал порошок из оленьих рогов, чтобы их жены не заглядывались на других.

Из нескольких десятков оленей и оленят на фасадах пражских домов сохранилось лишь несколько. К ним относятся зеленый олененок на Нерудовой улице на Малой Стране, белый на Напрстковой на Старом Месте и два золотых оленя: оба – части скульптурной группы святого Губерта, только первый – оригинал на Томашской улице, а

второй – свободная копия от Игнаца Платцера на Михальской улице дом номер 11 на Старом Месте.

Скульптурную группу, названную «Явление святому Губерту», заказал у архитектора Фердинанда Максимилиана Брокофа для своего дома номер 4 на Томашской улице Ян Кашпар Фридрих. Она должна была украсить фасад отстроенного по его же заказу дома в стиле барокко, который был возведен на месте старого в 1726 году знаменитым зодчим Килианом Игнацем Динценхофером. Фридрих, будучи заядлым охотником, прекрасно знал, почему защиту своего дома доверяет именно Губерту Льежскому, популярному в то время католическому святому. Согласно легенде, святой Губерт был аквитанским дворянином и страстным поклонником охоты. Однажды ему на пути встретился олень с золотым крестом между рогами. Губерт понял, что это Божье знамение, вступил на духовный путь, стал священником, а позже и епископом Льежа. Ставший на путь веры охотник с тех пор почитается как покровитель лесников и егерей.

Что нам, собственно, известно об охотничьих угодьях прошлых времен? В первой половине XVIII века они состояли из нескольких участков, главным из которых был Королевский заповедник, сегодня известный как парк «Стромовка». По нему разносились звуки охотничьих рожков уже в XIII веке во времена правления Пржемысла Отакара II. Второй заповедник, позже переименованный в «Звезду» в честь одноименного летнего дворца, располагался недалеко от Белой Горы. На оленя охотились дворяне в Оленьем рву у Пражского Града¹, а на птицу – в соседнем фазаньем заповеднике с двумя прудами. Неогороженными были шарецкое, йиноницкое и либеньское угодья, в бубенечском разводили ланей, количество которых достигало тысячи штук. Модным и популярным способом охоты была охота загонном верхом на лошади, с загонщиками и легавыми псами, известная нам благодаря изображениям того времени. Чаще, однако, дичь табуном прогонялась через узкий просек, а дворяне, окруженные слугами, которые заряжали и подавали им оружие, стреляли по ней из удобных охотничьих павильонов. Апогеем охоты у дворян надолго стала «охота в палатах» Леопольда I, который в 1680 году приказал выпустить дикую кошку в рудольфинском Испанском зале Пражского Града, где в ходе ожесточенной погони под лепными потолками итальянских мастеров и под восторженные крики своих потомков ее «героически» поразил. Из окон этого же зала четырнадцатью годами позже император Карл VI отважно стрелял в четвероногого питомца, приведенного из Оленьего рва.

¹ Резиденция чешских королей и императоров Священной Римской империи, в настоящее время – резиденция чешского президента. Здесь и далее прим. переводчика.

Карл VI, тем не менее, был почитателем настоящей охоты, которая своими традициями на территории Чехии обязана графу Яну Шпорку. В XVII веке этот просвещенный меценат чешского искусства, который построил на своих землях единственный в своем роде барочный госпиталь Кукс, был еще и воодушевленным организатором лесной гоньбы. Много дворян он привлек в Орден святого Губерта, который основал для любителей охоты. В новом времени про охотничий орден забыли, его деятельность после долгого молчания была возобновлена только в 1959 году.

Знаменательная охота состоялась недалеко от Брандиса в лесах между Йизерой и Эльбой 3 ноября 1723 года, как раз в день, посвященный покровителю всех охотников. В ней приняли участие Карл VI, его жена и многие известные представители европейской знати. По слухам, стрелков было около тысячи, а загонщиков 40 000, к сожалению, количество добычи нам неизвестно, но оно должно быть внушительным. По окончании охоты граф Шпорк передал Карлу VI орден святого Губерта на золотом подносе, после чего император увековечил в памятной книге Ордена слова: «Ныне и мы записались в Вашу орденскую книгу!».

На месте этого события, недалеко от поселка Главенец, в 1725 году по повелению Шпорка был возведен десятиметровый памятный монумент скульптором Матияшем Бернандом Брауном. В центре этой грандиозной композиции стоит фигура Карла VI, защищаемая каменным балдахином, на вершине которого олень с могучими рогами горделиво оглядывает край.

«У Зеленого олененка»

ул. Нерудова, 51, Прага 1 — Мала Страна

(Nerudova 51, Praha 1 — Malá Strana)

Нынешний зеленый олененок украшает фасад дома с 1819 года, однако знак с оленем белого или зеленого цвета здесь был уже с первой половины XVII века.



<http://domovnisnameni.chlumsky.eu/>

«У Белого олененка»

ул. Напрсткова, 8, Прага 1 — Старое Место

(Náprstkova 8, Praha 1 — Staré Město)

О домовом знаке олененка в связи с домом упоминается уже с середины XVII века.



<http://domovniznameni.chlumsky.eu/>



<http://domovniznameni.chlumsky.eu/>

Колесо

«У Колесника» («У Золотой короны»)

ул. Кармелитска, 21, Прага 1 — Мала Страна

(Karmelitská 21, Praha 1 — Malá Strana)

В античной культуре колесо было мощным символом энергии, которая приводит в движение целую вселенную.

Вращающееся колесо символизирует бесконечное течение времени, изменчивость судьбы и связанные с ней взлеты и падения, ведь и на карты таро оно попало, как символ неожиданного судьбоносного переворота. А помните колесо удачи в парках аттракционов? Также на флаге цыган изображается колесо от кибитки, как знак бесконечных странствий и переселений, при этом в конце своего путешествия путник возвращается в то место, из которого он вышел...

В пражских городах² в средние века было много представителей профессии колесников, или же колодеев. Уже в XIV веке многие из них имели свою специализацию: изготовители осей для колес, изготовители тачек и ручных тележек для каменотесов,

² Прага состояла из четырех самостоятельных городов: Старое Место, Градчаны, Мала Страна и Вышеград, вплоть до их объединения в XVIII веке.

каменщиков и солодовников; позже здесь появились также кузовщики, которые изготавливали грузовые и пассажирские повозки.

Неумело вытесанный знак колеса с частью бокового дышла и плотничьим топором, который ведет летоисчисление от 1555 года, напоминает нам, что в доме на улице Кармелитской, 21, жил и занимался своим ремеслом колесник Ян Штефл. В 1598 году дом купил Микулаш Райхл, посол саксонского курфюрста. После него владельцем стал рыцарь Ян Адам Чейка из Олбрамовиц, который присягал на верность чешскому королю Фридриху V Пфальцскому, но после его поражения в битве у Белой горы без колебаний перешел на сторону победителя. Позже он стал императорским комиссаром и в 1622 году дом продал, а для себя выбрал роскошную резиденцию, которая лучше отвечала его почетному званию. В XVII веке владельцы дома «У Колесника» украсили его золотой короной, которая затмила собой неброский каменный знак. Так люди и привыкли его называть – дом «У Золотой короны».

«У Золотого колеса»

ул. Нерудова, 28, Прага 1 — Мала Страна

(Nerudova 28, Praha 1 — Malá Strana)

Дом был построен в 1428 году на месте маленького виноградника неподалеку от стоявших здесь в те времена Страговских ворот.



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>

«У Золотого колеса»

ул. Рытиржска, 18, Прага 1 — Старое Место

(Rytířská 18, Praha 1 — Staré Město)

Современный вид придал золотому колесу на доме богатый пражский торговец Йозеф Виммер в конце XVIII века.



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>



<http://domovnaznamenichlumsky.eu/>

Кувшин

«У Золотого кувшина»

ул. Мелантрихова, 20, Прага 1 — Старое Место

(Melantrichova 20, Praha 1 — Staré Město)

Кувшин на доме обозначал в средние века гостеприимство хозяина дома или служил вывеской для питейных заведений.

Его можно найти также в знаке оловянщиков. Пражские оловянщики, наиболее характерным изделием которых был именно оловянный кувшин, работали в одном цехе с колокольщиками и оружейниками. Все эти ремесленники помимо прочего занимались литьем колоколов, потому знак пражских оловянщиков в придачу с кувшином дополнял колокол и ствол артиллерийского орудия. Цех оловянщиков, один из старейших в Праге, был основан уже в конце XIV века.

Насколько известно, кувшин на доме по адресу ул. Мелантрихова, 20 не указывал на мастерскую оловянщика, но, скорее всего, на рубеже XIV и XV веков обозначал место, имеющее много общего с питейным заведением, а именно дегустационный винный погреб, где о качестве вин официально судили королевские бургомистры. От ратуши сюда было рукой подать. По словам Штепана из Клодзко, который владел домом в начале XV века, его также называли Штепанковский. Роскошный средневековый дом «У Золотого кувшина» имеет просторные готические подвалы, о которых говорилось, что они

доходили прямо до Староместской ратуши. В его таинственных закоулках якобы безмятежно жили целые семьи человечков, домовых, которые всячески досаждали обитателям дома. Хотя эта легенда наверняка связана с именем одного из хозяев дома – Яна Человечка.

Когда в середине XVI века хозяин приобрел также соседний дом, который тогда назывался «У Ковша», наступила всеобщая неразбериха: названия обоих домов постоянно путали до тех пор, пока однажды, примерно в 1670 году, соседи не договорились, что один дом будет украшать кувшин золотой, а второй – серебряный.

В настоящее время знак золотого кувшина на доме выполнен в классическом стиле и относится приблизительно к 1800 году. Современный винный погреб был открыт «У Золотого кувшина» в 1961 году, а его завсегдатаем был писатель Франтишек Непил. Говорят, что его особенно восхищала приятная подземная тишина, которую через толстые каменные стены не нарушал ни один звук большого города.

«У Серебряного кувшина»

ул. Мелантрихова, 18

(Melantrichova 18)

Рельеф кувшина в стиле рококо на фасаде относится ко второй половине XVIII века. Этот дом стал временным убежищем для Фридриха V Пфальцского, когда после печального исхода битвы у Белой горы он поспешно решил оставить Пражский Град.



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>



<http://domovniznameni.chlumsky.eu/>

Корона

«У Пяти корон»

ул. Мелантрихова, 11, Прага 1 — Старое Место

(Melantrichova 11, Praha 1 — Staré Město)

Корона была в средневековье символом суверенитета, безграничной власти над остальными. Она произошла от венка, которым украшали свои головы древние римляне.

В роли домового знака или его части корона провозглашает королевское величие или расположение правителя.

Нам ничего не известно о том, какое особое расположение заслужил себе дом «У Пяти корон», который упоминался под таким названием уже примерно в 1400 году. Мы знаем, однако, что в это время здесь разливал вкуснейшую медовуху Шимон из Пльзеня, а потом и его сын – Ванек. В хронике также можно прочесть, что какие-то воры в 1402 году здесь пропили свою добычу.

Благодатная почва для людской молвы! Наша легенда рассказывает о тайной встрече пяти европейских королей в местном трактире. В отдельном помещении короли так долго советовались и подкреплялись ароматной медовухой, что постепенно один за другим позволили своим изнуренным головам отдохнуть и сняли тяжелые короны. Этим воспользовались ловкие воришки и все короны незаметно украли. Короли в пылу спора

этого даже не заметили, а позже и не могли заметить, потому что медовуха их быстро одолела, и прислуге пришлось сильно постараться, чтобы в целости и сохранности донести их до мягких постелей в отведенных им комнатах. Трактирщик, однако, заметил пропажу. Перепуганный до смерти, он втайне велел растормошить городскую стражу, и тогда поочередно, в цвет ночных сорочек и колпаков, бледнели лица судьи и коншелов³, разбуженных и поднятых из постелей. Вскоре вся городская стража была на ногах и прочесывала каждый уголок города. Воров, к счастью, быстро поймали вместе с их добычей. А утром короли снова надели свои короны на тяжелые головы. Только судье и коншелям еще некоторое время очень плохо спалось.

Современный вид лепных барельефов пяти корон восходит к 1615 году, когда дом помпезно перестроил Петр Нерхоф из Хольтенберга, владелец сразу нескольких домов в Старом Месте. Как был Нерхоф богат, так он был и скуп. Из сохранившихся источников известно, что после смерти своей родственницы Дороты Радницкой, он вспомнил о золотом кольце, которое усопшая взяла с собой на вечный покой в склеп в костеле святого Михаила. Нерхоф без стыда приказал гроб открыть и кольцо с мертвой руки снял. За это он был осужден, и не помогла ему даже душещипательная история, что кольцо он хотел «носить в память об умершей». Кольцо пришлось вернуть на место, а Нерхофу остался только позор, большой, как все его дома вместе взятые.

«У Золотой короны»

ул. Тын, 9, Прага 1 — Старое Место

(Týn 9, Praha 1 — Staré Město)

Золотая корона попала на дом где-то во второй половине XVII века. В XIX веке здесь располагалась знаменитая кофейня «У Комарика», куда ходили Й. К. Тыл, Ф. Л. Челаковский, К. Г. Маха, Ф. Палацкий и другие писатели и патриоты.



<http://domovnisznamenichlumsky.eu/>

³ Члены городских магистратов в средневековой Чехии, ведали административными, а иногда и судебными делами.



<http://domovniznameni.chlumsky.eu/>

Крест

«У Черного креста»

ул. Мартинска, 5, Прага 1 — Старое Место

(Martinská 5, Praha 1 — Staré Město)

Крест относится к самым старым символам человеческой цивилизации.

Он обозначает четыре стороны света, четыре основные стихии: огонь, воду, землю и воздух, — которые в пересечении сливаются воедино. Христианство возвело символ креста в конкретное обозначение веры, добродетели и Христовых мук. Христиане также устанавливали кресты на могилы умерших в знак вечной жизни, так крест стал еще и символом смерти. Кроме того, крест — это древняя эмблема почестей и заслуг, а в множестве своих разновидностей используется как знак церковных, гражданских и рыцарских орденов.

Среди сотен крестов на пражских фасадах чаще всего встречается крест латинский, у которого три верхних конца короче, чем нижний; крест лапчатый с дугообразными расширяющимися концами, который в черном цвете был обозначением тамплиеров; пушечный крест с равными, расширенными в стороны концами, и восьмиконечный мальтийский крест Ордена Святого Иоанна. Домов с крестами и крестиками в функции

домового знака было в Праге несколько десятков. Были здесь белые, красные, синие, золотые, зеленые, черные и желтые кресты, по одному или же в группах по две, три или пять. Изначально они помещались на дома для защиты, либо в память о знаменательных событиях, либо как обозначение принадлежности к орденам.

Дом с черным крестиком на Мартинской улице некогда стоял напротив кладбища, которое простиралось вокруг одного из старейших пражских костелов – костела святого Мартина в Стене. Свое необычное название костел получил за то, что когда-то своим фасадом тесно прилегал к городским стенам. О доме «У Черного крестика» сложена одна из печальнейших пражских легенд.

Говорят, что в 1386 году здесь жил бургомистр Йиржик Шверхамр, который отвечал за сохранность городской печати. Чтобы уберечь ее от мошенников, которых в то время было не меньше, чем сейчас, Йиржик постоянно держал ее при себе. Однажды, придя домой с ратуши, Йиржик снял и положил на кухонный стол пояс с кожаным мешочком, в котором хранилась печать. Его жена в это время как раз купала маленького сынишку. Ребенок без конца плакал и ничто не могло его успокоить, поэтому мать схватила печать, которая первой попалась ей под руку, и дала сыну поиграть. После купания жена бургомистра вылила воду из ванночки в окно и в спешке продолжила заниматься домашней работой. Какой-то прохожий ужасно удивился, обнаружив городскую печать в сточной канаве, полной всякого мусора. Тогда он подобрал ее и отнес в ратушу. На следующий день по приходу в городской совет бургомистр не мог ответить, где оставил печать, и подумал, что, наверное, дома. Коншелы позвали стражу и отвели Йиржика домой. После безуспешных поисков ему показали печать и рассказали, где она была найдена. За его халатность палач отрубил Йиржику голову прямо перед его домом. На месте казни несчастного бургомистра позже был возведен большой каменный крест. С течением столетий памятный крест менял свой облик, пока наконец в виде маленького черного крестика не поселился на фасаде дома.

Кто знает. Чтобы вам не было грустно из-за этого невероятного стечения обстоятельств с трагическим концом, стоит добавить, что историю эту описал Вацлав Гаек из Либочан, который так любил присочинить, что современная литературная критика отнесла бы его скорее к числу талантливых беллетристов, нежели к хроникерам, коим он на самом деле являлся. Известный пражский историк профессор Франтишек Рут на рубеже XIX и XX веков счел эту историю маловероятной.

Давайте лучше надеяться, что черный крестик на Мартинской улице служит только для охраны дома или как напоминание о кладбище, которое было тут по соседству.

«У Трех зеленых крестиков»

ул. У лужицкой семинарии, 16, Прага 1 — Мала Страна

(U lužického semináře 16, Praha 1 — Malá Strana)

В XIX веке тут жил камердинер генерала крестоносцев и каллиграф Франтишек Голина, отец Анны Голиновой, которая была большой любовью Яна Неруды. У Голинов в свое время собирался весь цвет чешского литературного и патриотического общества: К. Я. Эрбен, Б. Немцова, А. Гейдук, В. Ганка и другие.



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>



Конь

«У Черного конька»

ул. Прокопска, 10, Прага 1 — Мала Страна

(Prokopská 10, Praha 1 — Malá Strana)

В древние времена конь почитался как сильное животное, связанное с движением, энергией, а позже и с военными успехами.

В то же время конь был верным другом и слугой своего господина, именно таким он предстает в чешских легендах и сказках. Например, конь Шемик со своим хозяином Горимиром говорил человеческим голосом и давал ему мудрые советы, наравне с белым конем принца Баяйи. Древние славяне почитали белого коня как посланника солнца, плодородия и природного цикла. А как же мифический Пегас – крылатый символ художников? В Чехии во времена ренессанса он использовался для изображения проницательного ума, творческой силы и поэзии. В своем личном знаке его имел, к примеру, гуманист и книгоиздатель Даниэль Адам из Велеславина.

Неоседланное стадо из нескольких десятков белых, синих, красных и зеленых коней и лошадок с пражских домовых знаков давно разбежалось за свободой – вместе их уже не собрать. Сегодня коньков на домовых фасадах осталось всего ничего. Из числа самых милых – черный конек с Прокопской улицы на Малой Стране. Свое название улица получила в честь костела Святого Прокопия, который был основан госпитальерами с близлежащего мальтийского монастыря уже в XII веке. Орден госпитальеров, или иоаннитов, так же известный как Мальтийский орден, привел в первой половине XII века в Чехию король Владислав I из своего крестового похода в Иерусалим и предоставил членам ордена большие участки земли в местах, где сейчас стоит Храм Девы Марии под цепью и мальтийский монастырь с Дворцом Великого Приора. В то время Малая Страна насчитывала только два укрепленных сооружения: Епископский двор влево и монастырь госпитальеров вправо от нынешнего Карлового моста. Сохранившийся по сей день фасад храма с двумя башнями из белого камня напоминает скорее неприступную крепость, а свое необычное имя храм получил, вероятнее всего, благодаря огромной цепи, которой закрывались монастырские ворота. Мало кто знает, что Храм Девы Марии под цепью является старейшим храмом на Малой Стране. По вине гуситских войн и прежде всего пожара 1503 года сохранилась только его часть: на месте бывшего нефа сегодня находится маленький садик, укрытый только небосводом. Из Святой земли госпитальеры привезли с собой диковинные южные деревья – платаны, наверное, чтобы те напоминали им родину. В мальтийском саду один из первых платанов растет до сих пор, могучие перекрученные ветви этого старейшего пражского дерева сами по себе являются природными святынями, стремящимися в небо уже больше восьмисот лет.

С деятельностью мальтийских рыцарей также связана история дома «У Черного конька». Изначально он являлся частью просторного хозяйства с солодовней, которое относилось к имуществу мальтийских рыцарей. Об этом свидетельствует также сохранившееся до сих пор изображение на фасаде – Богородица с цепью над головой, которое в этом случае является своеобразным обозначением собственности Мальтийского ордена. Домовой знак с коньком упоминается уже в конце XVI века, когда на первом этаже шумела пользующаяся популярностью пивная.

Сегодняшний барельеф дикого черного конька, без усталости несущегося за свободой в барочном обрамлении, восходит к XVII веку.

«У Черного конька»

**Малая площадь, 14, Прага 1 —
Старое Место**

(Malé nám. 14, Praha I — Staré Město)

Еще в 1409 году, когда хозяином дома был золотых дел мастер Христофор, он назывался «У Козла» или «У Козлов».

Черный конек в роли домового знака упоминается с 1599 года. Правда, сегодня он немного посинел.



<http://domovnisnameni.chlumsky.eu/>



<http://domovniznameni.chlumsky.eu/>

Лебедь

«У Белого лебедя»

ул. Нерудова, 49, Прага 1 — Мала Страна

(Nerudova 49, Praha 1 — Malá Strana)

На малостранской набережной неподалеку от Манесова моста находится старое место лебединых сборов.

Здесь сохранился кусочек естественного берега с незаметным островком из всего, что принесла река, который поглаживает ленивая влтавская вода, и лебедям это нравится. Еще им нравится, когда кто-нибудь временами приносит им старый рогалик или кусок хлеба.

Испокон веков белоснежные лебеди были королями водных птиц, символизировали благородную красоту и знатное происхождение, ведь не зря поэты восхищались «лебедиными шеями» знатных дам. Образцовая верность лебединой пары превратила их также в символ верной любви. Говорят, если один из лебедей умирает, второй так долго плачет, что в конце концов сам умирает от горя. Часто используемое выражение «лебединая песня» значит последнее произведение или последнее деяние... Поэтому один лебедь на зеркале озера несет образ ностальгии и тихой печали. В фольклоре некоторых народов лебедь был мистической птицей, которая обладала даром

переносить людей в царство сверхъестественных существ. Из греческих мифов нам известна история спартанской королевы Леды, которую в облике лебедя соблазнил Зевс. Эта легенда послужила мотивом для картин множества знаменитых художников. К наиболее прекрасным изображениям Леды и лебедя относятся работы Микеланджело, Леонардо да Винчи, Тинторетто и Питера Пауля Рубенса.

Старой Праге было известно около пятнадцати домовых знаков с лебедем или лебедями, среди которых можно было отыскать лебедя синего и золотого. Лебедь на ул. Нерудовой, 49 обрел свой нынешний облик барочного рельефа в начале XVIII века, когда хозяева дома по фамилии Прохазка решили его перестроить. Тихая история дома под лебедиными крыльями не скрывает ни пикантных происшествий, ни бурных переворотов, а потому мы, пожалуй, можем обратить наше внимание на другого, более знаменитого пражского лебедя.

Его время приходит в основном ночью, когда он озаряет своим неоновым светом бурлящие темные улицы большого города. Хотя так может и не показаться, но название известного торгового дома на улице На Поржиче – «Била лабуть», что переводится как «Белый лебедь», происходит от старого домового знака, который украшал постоялый дом, находившийся здесь когда-то. В XIX веке тут было популярное кабаре, где в 1907 году выступал молодой и подающий надежды артист Эдуард Шмидт... Кто же это был? Литератор, получивший известность чуть позже под псевдонимом Эдуард Басс, который он выбрал именно здесь для отличия от знаменитого в то время артиста кабаре Франтишка Леопольда Шмида.

На месте старого лебединого дома в конце 30 лет XX века известный пражский предприниматель Ярослав Броук построил современный торговый дом. По проекту архитекторов Йозефа Киттриха и Йозефа Грубого возник стеклянный дворец в стиле функционализм с железобетонным каркасом, который вмещал внушительных 70 000 квадратных метров. Вместе с двумя подземными уровнями объект насчитывал 11 этажей. Главный фасад до пятого этажа был, в сущности, одним огромным окном, составленным из 180 плит непрозрачного серебристого стекла – в свое время это была самая большая застекленная поверхность в Центральной Европе! На башенной надстройке с террасой была помещена восьмиметровая крутящаяся фигура лебедя по проекту дизайнера Божидара Лейзера. Сегодня, к сожалению, кажется, что стеклянный функционалистический дворец поет свою лебединую песню. Возможно, он дождется просвещенного инвестора, который вернет зданию, занесенному в 1994 году в список наследия ЮНЕСКО, его бывалую красоту и славу.

А пока неоновый лебедь терпеливо горит над ночной Прагой и с июня по январь любит своего небесного брата из звезд, которого также называют Северный крест.

«У Золотого лебедя»

ул. У Злате студне, 6, Прага 1 — Мала Страна

(U Zlaté studně 6, Praha 1 — Malá Strana)

Говорят, что этого золотого лебедя пражане путали со страусом... Не знаете почему?



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>



<http://domovnaznameni.chlumsky.eu/>

Лев

«У Белого льва»

Малая площадь, 2, Прага 1 — Старое Место

(Malé náměstí 2, Praha 1 — Staré Město)

В западной культурной традиции лев издавна был царем зверей.

В роли герба он возвещает о главных рыцарских достоинствах: отваге, бесстрашии, силе и готовности к бою. В Европе лев – это королевский геральдический символ Англии и Шотландии, но для нас интереснее его присутствие на гербе чешского государства. Знак серебряного льва получил вместе с короной от римского императора король Владислав I, который со своими рыцарями оказал существенную помощь императорским войскам в битве за Милан в 1158 году. Некоторое время орлица – герб, заведенный родом Пржемысловичей⁴, и серебряный лев использовались наравне, вплоть до XIII века, когда во время правления короля Пржемысла Отакара I лев в чешском гербе возобладал. К тому же у него появился еще один хвост, как знак милости императора Оттона IV Брауншвейгского за то, что Пржемысл Отакар I помог ему поразить саксов. Старое рыцарское предание, однако, рассказывает, что льва для герба чешского королевства добыл легендарный рыцарь Брунцвик. В своих странствиях по удивительным краям он повстречал льва, сражающегося с драконом, помог ему, и с тех пор благодарный лев

⁴ Чешская княжеская и королевская династия, существовавшая в IX-XIV вв.

сопровождал его в путешествиях. Вместе они дошли до самой Праги к Карловому мосту, где лев и по сей день караулит у ног каменного Брунцвика. Изначально Брунцвик был безымянным рыцарем, поставленным на одном из малостранских мостовых пьедесталов в знак городской юрисдикции. Львы и львята в Праге в конце концов прижились. Уже во времена короля Вацлава IV их держали в Оленьем рву в качестве живых символов королевского герба.

А какие они – пражские львы? Есть здесь горделивые двухвостые львы с короной на голове из геральдики, как тот важный и по-настоящему королевский, который стоит на страже в повороте Хотковой улицы напротив Оленьего рва, и который перед этим, еще в первой половине XIX века, смотрел вниз на прохожих с новоместских крепостных стен.

В переплетении украшений готических порталов и на концах сводов извиваются маленькие каменные львята в вечном поединке с драконами или орлами, деревянные и лепные львиные маскароны смотрят с парадных дверей, множество старинных дверных ручек и молотков исполнено в виде львиных голов. Ступени Рудольфинума охраняют элегантные молчаливые сфинксы с женскими головами и львиными телами. Есть тут и укрощенные, смиренные львы с лохматой шерстью и короткими мускулистыми лапами, напоминающие скорее пекинесов, которые трутся о ноги барочных скульптур. Вот так менялся облик львов вместе с господствующим художественным направлением, что отразилось и на домовых знаках. Романские и раннеготические хищники выпускают когти и показывают языки, а львы XVIII и XIX веков выглядят сонными и умиротворенными.

А вы бы могли подумать, что пражских домов, несущих имя и знак льва или львят, было в Средние века больше шестидесяти? Вероятно, самый старый каменный лев в Праге, выступающий в роли домового знака, – это лев на щите в верхней части готического портала дома на Малой площади. Это изображение относится к ранней готике и восходит примерно к XIV веку.

В доме, который он охраняет, была первая пражская типография Вацлава Бакаларжа из Коуржима. В 1520 году типографский и издательский дом «У Белого льва» купил писатель Микулаш Конач из Годишкова, который перенес сюда собственную типографию, ранее находившуюся рядом с костелом Девы Марии на Лоужи. Он напечатал 33 книги, в основном чешские, среди которых были трактаты Яна Гуса и «История Богемская» Энеа Сильвио Пикколомини, будущего Папы Пия II. Вплоть до смерти хозяина дома в 1546 году эта типография оставалась крупнейшей в Праге.

«У Красного льва»

ул. Нерудова, 41, Прага 1 — Мала Страна

(Nerudova 41, Praha 1 — Malá Strana)

Красный лев, держащий в лапе золотой кубок, когда-то был вывеской золотых дел мастера. В конце XVII века в доме с красным львом жил выдающийся чешский художник эпохи Барокко Петр Брандль.



<http://domovnisznamenichlumsky.eu/>

«У Двух красных львов»

ул. Рытиржска, 27, Прага 1 — Старое Место

(Rytířská 27, Praha 1 — Staré Město)

Пара львов на доме на углу двух улиц относится к XIX веку. Впоследствии они были полностью забыты: один лев был перекрыт витриной, второго убрали при ремонте водосточной трубы. Только в 1955 году домовый знак вернулся к своему историческому виду.



<http://domovnisznamenichlumsky.eu/>

«У Золотого льва»

ул. Мелантрихова, 9, Прага 1 — Старое Место

(Melantrichova 9, Praha 1 — Staré Město)

Дом на Мелантриховой улице с красивым знаком золотого льва в начале XVII века относился к имению богатого староместского купца Петра Нерхофа, наравне с соседним домом «У Пяти корон».



<http://domovnisznamenichlumsky.eu/>

«У Черного льва»

ул. Масна, 20, Прага 1 — Старое Место

(Masná 20, Praha 1 — Staré Město)

Изящный и важный лев на фасаде впервые упоминается в 1582 году.



<http://domovnisznamenichlumsky.eu/>



<http://domovnisznamenichlumsky.eu/>

Лилия

«У Золотой лилии»

Малая площадь, 12, Прага 1 — Старое Место

(Malé nám. 12, Praha 1 — Staré Město)

Белая лилия хорошо известна большинству чехов благодаря деревенским огородам бабушек. А еще букеты лилий на алтаре до сих пор наполняют своим чарующим ароматом многие сельские церквушки.

Я вспоминаю слезы на глазах моей милой соседки на Высочине, когда однажды вечером во время прополки сорняков она надломила стебель одной из высоких белых красавиц, охраняющих ее сад. Бедняжка долго гладила стебелек морщинистыми руками, после чего пошла спать, полная веры, что лилия не мучается. Утром стояла лилия в строю с остальными, прямыми и душистыми, как будто ничего и не произошло...

Лилию как стародавний символ чистой любви ко всему живому переняла христианская традиция. Лилия нашла место и в средневековой символике как эмблема целомудрия, чистоты и невинности, а также как цветок, связанный с Девой Марией. Она является атрибутом и многих других святых: св. Иосифа, св. Антония Падуанского, св. Доминика, св. Клары Ассизской и св. Фомы Аквинского. Легенда гласит, что Хлодвиг, своенравный предводитель франков, уже в VI веке избрал лилию символом очищения во

время своего крещения. В XII веке стилизованное изображение цветка служило эмблемой французского короля. Лилия украшала королевскую корону, коронационную одежду и хоругвь, а позже стала французским национальным цветком. Она получила такое расширение во французской геральдике, что вместе с династией и государством ее использовало более пяти тысяч дворянских родов и городов.

В изначально готическом, позже перестроенном в стиле барокко доме на Малой площади, который несет красивое название «У Лилии», написанное и произносимое на старочешский манер, с давних пор находилась аптека. В XIV веке тут была аптека Онофора, позже здесь смешивал зелья и жидкости аптекарь Рудольф, а после него – Томаш. Это было во времена правления Владислава II, период волнения и раздора. Смутьяны приходили со двора венгерского короля Матьяша I Корвина, который претендовал на чешскую корону и добивался ее всеми путями. Ради бесчестного плана отравить чешского короля, его люди привлекли местного аптекаря Томаша. Тот послал пажа Йиржи Глухого из Кутной Горы в далекую Венецию, чтобы он купил там большое количество сильнодействующего яда. Венецианского аптекаря покупка яда напугала, и он на всякий случай сообщил все местным властям. А там уже оставалось дело за малым: венецианское правительство послало извещение в Прагу, и аптекаря с пажом бросили в тюрьму. Томаш отрицал вину так долго, что в подвалах Староместской ратуши подвергся жесточайшим пыткам, Глухого замучили в тюрьме на Карлштейне.

Аптеки издавна обосновались по всей Малой площади. Самой известной, а, возможно, и самой старой из них была аптека «У Ангела», открытая в первой половине XIV века Анджело из Флоренции в доме, названном «В Раю», на углу Карловой улицы. Во времена Карла IV эта аптека считалась королевской. В доме номер 1-3 тоже когда-то была аптека, после которой на углу дома остался каменный знак льва, держащего в лапах зеркало.

И в доме «У Золотого орла» на Малой площади, 13 с конца XIX века была аптека, которая называлась «У Золотой короны», о чем до сих пор возвещает позолоченная корона над входом. Чарующая обстановка аптеки тех времен сохранилась почти полностью. Еще несколько лет назад при покупке таблеток в пластиковой упаковке, вас могло невольно посетить очень странное чувство, что госпожа фармацевт в конце концов залезет в один из таинственных деревянных ящичков и одарит вас более действенным лекарством в виде пучка трав. Сегодня в помещении этой аптеки совсем другой магазин, который нравится в основном только туристам.

Вместе с добрыми духами аптекарей, которые неподалеку отсюда в течение почти шестисот лет измельчали пилюли в латунных ступках, давайте будем верить, что время сможет вылечить слепоту к восприятию *genius loci* и традиций.

«У Трех лилий»

ул. Погоржелец, 16, Прага 1 — Градчаны

(Pohořelec 16, Praha 1 — Hradčany)

Домовой знак относится примерно к 1715 году.

С этим домом связана история о бесчувственной девушке, которая отправилась танцевать в местную пивную прямо от гроба матери, за что черт затанцевал ее до смерти. Эту историю переработал Ян Неруда в своих «Малостранских повестях», а также Якуб Арбес.



<http://domovnisznameni.chlumsky.eu/>



<http://domovniznameni.chlumsky.eu/>

Медведь

«У Двух золотых медведей»

ул. Кожна, 1, Прага 1 — Старое Место

(Kožná 1, Praha 1 — Staré Město)

Медведь – это старинный символ отваги и грубой силы.

Он также является атрибутом святого Гавела, который по легенде вытянул медведю колючку из лапы, за что благодарный хищник помогал святому носить дрова из леса. В Праге медведя на домовом знаке можно повстречать довольно часто, ведь бродячие шайки скоморохов-медведчиков водили их для представлений на пражские площади практически постоянно. И лишь белый медведь появился в Праге до конца XVIII века только однажды, а именно на Малой площади в 1788 году.

Среди медведей в Праге с давних пор царствуют два медведя с прекрасного портала пражского ренессанса, который находится в доме на Кожной улице, 1. В своем современном виде старинный дом «У Двух золотых медведей» предстал в конце XVI века, после реставрации Лоренцем Шторкем, который также велел создать роскошно украшенный портал. В своей книге «Ярмарка сенсаций» его точно описал Эгон Эрвин Киш, знавший этот дом очень хорошо: ведь он здесь родился:

«Ворота стерегут два каменных медведя, которые по истечении веков сохранили золото своей шерсти; их в свою очередь охраняют два юноши с метлами. Внизу, почти на уровне улицы, из уст двух человеческих профилей вырываются густые ветви с плодами и листвой, устремляющиеся сперва вверх и затем закручивающиеся с небольшим изгибом по направлению друг к другу. Ветви укутывают колонны и орнаменты, оставляя должное место только золотым медведям наверху». Золотой шубы у медведей уже нет, но в остальном мы можем созерцать отреставрированный портал во всей его красе.

Чего Эгон Эрвин не упомянул, так это то, что размещение человеческих и звериных фигур придерживается четкой симметрии, которая, однако, специально нарушается в деталях. Левый медведь с точки зрения наблюдателя больше, чем правый. Левый рыцарь выглядит как юнец, сжимающий в обеих руках еще не выросшую веточку, правый рыцарь – это чуть сгорбившийся старик с увядающим стволом в одной руке. Некоторые исследователи и знатоки загадок приписывают декорациям портала скрытые смыслы и послания, связанные с алхимией и герметизмом. Тяжело сказать, судите сами: случайно ли взгляд смотрящего на портал направлен в сторону севера, где располагаются созвездия Большой и Малой Медведицы? Подобно тому и символы двух рыцарей могут относиться к тайне двух Иоаннов: Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелисты, связанных с летним и зимним солнцестоянием – молодое лето, старая зима – символическое обозначение течения времени, перед которым мы все безоружны... Возможно, дом «У Двух золотых медведей» был для Праги тех лет значимым местом, где происходили скрытые процессы и события, предназначенные только посвящённым, ведь по легенде в здешний подвал вели все подземные ходы старой Праги.

Эгон Эрвин Киш в своем творчестве несколько раз вспоминал детство, прожитое в этом очаровательном староместском уголке, частью которого было и катание на коньках на маленькой террасе, политой водой. Киш писал для немецких журналов и газет, в первую очередь для «Prager Tagblatt». Он был большим знатоком города и всех его живописных закоулков, кабаков, пивнушек и ночлежек, где собиралось пражское низшее общество, которое магически притягивало сына из семьи уважаемого торговца. Свой опыт Киш описал в романе с говорящим названием «Девичий пастух» и в криминалистическом очерке «Пражский Питаваль».

Писатель Ян Вениг в одной из своих книг описывает встречу с Эгоном Эрвином Кишем в пражском аэропорту «Рузине» в 1946 году, когда «неистовый репортер» вернулся на родину из вынужденной военной эмиграции. По его словам, одним из первых вопросов Киша был «Что делают медведи...?»

«У Двух маленьких черных медвежат»

ул. На Перштыне, 7, Прага 1 — Старое Место

(Na Perštýně 7, Praha 1 — Staré Město)

Изящный домовый знак украшает старинный пивоваренный дом на улице На Перштыне уже с 1466 года. А надпись на старочешском языке напоминает, что дом с давних пор назывался «У Медвежат».



<http://domovnisnameni.chlumsky.eu/>

«У Черного медведя»

ул. Тын, 6, Прага 1 — Старое Место

(Týn 6, Praha 1 — Staré Město)

Каменный медвежонок в стиле барокко, в честь которого назван дом, прикован к углу дома железной цепью. В начале XX века здесь был известный ночной трактир «В туннеле», куда часто навещался и репортер Эгон Эрвин Киш.



<http://domovnisnameni.chlumsky.eu/>

Глава 2. Комментарий к переводу

2.1 Анализ оригинала

2.1.1 Об авторе

Алена Йежкова – чешская писательница и публицистка. Окончила Философский факультет Карлового Университета по программе «Чешский язык и педагогика» и получила докторскую степень по теории изобразительного искусства в Высшей школе прикладного искусства в Праге. Является автором книг для детей (*Prahou kráčí lev, Hrochoslon*), путеводителей по Праге (*Praha babka měst*), биографии Карла IV (*Karel IV.*), современных адаптаций чешских и моравских легенд (*Staré pověsti české a moravské, 33 moravských legend*) [25].

2.1.2 О книге

2.1.2.1 Общая характеристика

Книга «Стражи пражских улиц» была впервые опубликована в 2006 году издательством Mladá fronta, в 2016 году вышло расширенное издание, дополненное фотографиями Йиржи Халупы. Для перевода нами были выбраны одиннадцать глав из первого издания по причине его доступности в библиотеках. В данном источнике описываются пражские домовые знаки, история их появления на домах, их символика для чешской и мировой культуры. Произведение А. Йежковой разбито на небольшие главы, каждая из которых посвящена отдельному знаку (*Lev, Lilie, Medvěd*), главы сопровождаются фотографиями описываемых домовых знаков.

2.1.2.2 Стилъ и функции

К главной функции книги можно отнести популяризацию исторических и культурных знаний среди непросвещенной аудитории. Книга не требует от читателя специальных знаний, написана доступным языком. Иногда здесь описываются конкретные исторические события, иногда легенды с размытыми фактами и датами. В тексте встречаются как известные исторические личности (*Karl VI., Jan Neruda, Chlodvík*), так и персонажи, подтверждения существования которых нам не удалось найти в достоверных источниках (*Jan Človíček, Šimon z Plzně*). При упоминании в тексте

исторических персонажей о них чаще всего в нескольких словах говорится, кем был этот человек или благодаря чему стал известен: „český barokní dějepisec Bohuslav Balbín“ [Оригинал, с. 56], „komorník křižovnického generála a kaligraf František Holina“ [Оригинал, с. 79].

К отличительным особенностям авторского стиля относятся метафоры, в том числе и развернутые, риторические вопросы и восклицания, инверсия и ирония. Приведем пример развернутой метафоры: „Neposedné stádo několika desítek bílých, modrých, červených i zelených koní, koníků a koníčků z pražských domovních znamení se už dávno rozběhlo za svobodou, dohromady je už nikdo nesežene“ [Оригинал, с. 81]. И пример риторического вопроса: „Kde zůstala mýtická noblesa?“ [Оригинал, с. 56].

Автор также приводит цитаты в форме прямой речи и использует лексику из разных сфер: охота, архитектура, ремесла. Так как текст написан одним автором, он стилистически однороден. Исходя из описанных нами функций и особенностей, данную книгу можно отнести к научно-популярному подстилю.

Важным аспектом в становлении стилистики текста является лексика, которую мы рассмотрим подробнее в следующей главе.

2.1.2.3 Лексические особенности

Лексика текста чаще всего книжная или нейтральная; приведем пример книжной лексики: „Jako erbovní znamení **hlasá** hlavní rytířské ctnosti...“ [Оригинал, с. 90], „zrcadlo jezera“ [Оригинал, с. 85].

Автор использует литературный язык, без сленга, к узкой терминологии обращается редко и с пояснением:

„Koláři nebo také koloději byli v pražských městech ve středověku silně zastoupeni. Už ve 14. století bylo mezi koláři mnoho specialistů: nápravníci vyráběli vozové nápravy, kolečníci zhotovovali trakaře a kolečka pro kameníky, zedníky a sladovníky, a později tu byli také korbaři, kteří zhotovovali celé vozy nákladní nebo pro dopravu osob.“ [Оригинал, с. 65]

Часто используются экспрессивная и эмоционально окрашенная лексика: „lahodný mok“ [Оригинал, с. 69], „sladkobolná obhajoba“ [Оригинал, с. 74]; периодически встречаются разговорные выражения: „...nechal vypustit divokou kočku...“ [Оригинал, с. 60], „Nejvíc si prý pochvaloval krásné podzemní ticho...“ [Оригинал, с. 70], „pokukovat po jiných“ [Оригинал, с. 59]; к ним можно отнести и фразеологизмы: „co by kamenem dohodil“ [Оригинал, с. 69].

В главе «Крест» экспрессии также добавляет уменьшительно-ласкательное имя бургомистра - *Jiřík*. В тексте встречаются и архаизмы: „*šenk*“ [Оригинал, с. 69], „*znaveným hlavám*“ [Оригинал, с. 73].

Можно заключить, что выбор такой «пестрой» лексики обусловлен стремлением автора обогатить текст и тем самым сильнее воздействовать на читателя. Например, архаизмы используются для воссоздания колорита отдаленных времен [13], книжная лексика позволяет передать торжественность, а разговорная определенным образом оживляет повествование. Эти особенности авторского стиля мы постарались сохранить и в нашем переводе.

2.1.2.4 Синтаксические особенности

Синтаксис текста отвечает главной его функции: изложение исторических и культурных фактов в доступной и увлекательной форме. Поэтому текст в большинстве случаев не перегружен сложными синтаксическими конструкциями и отличается ясностью для понимания.

Многие главы имеют часть с описанием конкретного домового знака или его вариаций, и повествовательную часть, где рассказывается о легенде, связанной с этим знаком. Это отражается и на синтаксисе: в описательных частях больше сложноподчиненных предложений с определительными придаточными, много согласованных и несогласованных определений, преобладают существительные и прилагательные. Приведем пример из главы «Крест»:

„Ze stovek křížů na pražských fasádách se nejčastěji vyskytuje kříž latinský, který má tři vrchní ramena kratší než spodní, kříž tlapatý s rameny obloukovitě rozšířenými, který v červené barvě býval znamením templářů, dělový rovnoramenný kříž s rameny rozšířenými směrem do stran a osmihrotý maltézský kříž řádu maltézských rytířů.“ [Оригинал, с. 77]

Отрывки с повествованием чаще состоят из простых, сложносочиненных или коротких сложноподчиненных предложений: они динамичны, насыщены глаголами совершенного вида и своей структурой напоминают детские сказки. Приведем пример из вышеупомянутой главы:

„Konšelé zavolali biřice a vedli Jiříka domů. Když purkmistr pečet' doma nenašel, ukázali mu ji a řekli, kde byla nalezena. Za nedbalost pak Jiříka kat stál přímo před jeho domem.“ [Оригинал, с. 78]

Одной из особенностей научно-популярного подстиля является наличие вопросо-ответных комплексов. Они позволяют сосредоточивать внимание читателя, имитируют диалог между автором и адресатом, создают композиционный каркас [15]. В выбранном нами тексте они также широко используются: „*Co je na tom pravdy?*“ [Оригинал, с. 57] „*Co vlastně víme o pražské honitbě minulosti?*“ [Оригинал, с. 60] „*Jací jsou pražští lvi?*“ [Оригинал, с. 90].

2.2 Концепция перевода

При любом переводе очень важно четко представлять, кто будет реципиентом перевода и какими фоновыми знаниями этот человек (или группа людей) обладает. Потенциальным читателем перевода мы предполагали человека поверхностно знакомого с историей и культурой Чехии: это либо кто-то, побывавший в Чехии и приобретший такую книгу как сувенир, либо человек увлеченный этой страной и желающий углубить свои познания. На основе этого мы принимали решение, какие специфические элементы в переводе сохранить неизменными, то есть применить экзотизацию, а какие адаптировать для принимающей культуры.

При переводе мы также опирались на концепцию Й. Левого, разделяющего элементы каждого сообщения на инвариабельные, которые должны сохраниться в тексте перевода, и вариабельные, которые при переводе могут изменяться [11, 26]. Согласно этой концепции мы старались сохранить в тексте перевода денотативное значение слов оригинала, стилистически окрашенные слова и синтаксис, которые играют важную роль при построении научно-популярного текста.

Помимо этого, мы прибегли к приему, который описывает В. Комиссаров в книге «Современное переводоведение», а именно переводческим трансформациям на различных уровнях текста [5, 158]. В последующих главах этой работы мы подробно остановимся на каждом из этих уровней.

2.3 Типология переводческих проблем и их решения

2.3.1 Лексический уровень

2.3.1.1 Имена собственные

Антропонимы

Так как текст имеет культурно-исторический характер, он насчитывает большое количество антропонимов. В ряде случаев их перевод не вызвал больших затруднений так как речь шла об исторических личностях и деятелях культуры, встречающихся в русскоязычных текстах:

„Vždyť už za krále Václava IV. chovali v Jelením příkopu lvi jako živé symboly znaku království.“ [Оригинал, с. 90]

«Уже во времена короля Вацлава IV их держали в Оленьем рву в качестве живых символов королевского герба.» [Перевод, с. 31]

„V 19. století tu bývala slavná kavárna U Komárků, kam chodíval J. K. Tyl, F. L. Čelakovský, K. H. Mácha, F. Palacký a další literáti a vlastenci.“ [Оригинал, с. 75]

«В XIX веке здесь располагалась знаменитая кофейня «У Комарика», куда ходили Й. К. Тыл, Ф. Л. Челаковский, К. Г. Маха, Ф. Палацкий и другие писатели и патриоты.» [Перевод, с. 20]

Иногда имена в тексте оригинала и перевода сильно отличались в связи с закрепившейся традицией их употребления в русском языке. Например, святой, встречающийся в чешских текстах под именем *Tomáš*, в русскоязычной литературе известен как *святой Фома Аквинский*; *sv. Antonín z Padovy* как *св. Антоний Падуанский*; *sv. Klára* как *св. Клара Ассизская*.

При переводе имени шведского короля *Jana III* мы также руководствовались традицией употребления его имени в русскоязычных текстах, где он известен как Юхан III – транскрипция с шведского *Johan*.

В случае тех фамилий, которые нам не удалось найти в русскоязычных источниках, мы прибегли к ведущему, согласно Комиссарову, в современной переводческой практике способу, а именно к транскрипции с сохранением некоторых элементов транслитерации [6, 173]:

„*V domě, který hlídá, byla první pražská knihtiskárna Václava Bakaláře z Kouřimi.*“
[Оригинал, с. 91]

«В доме, который он охраняет, была первая пражская типография **Вацлава Бакаларжа** из Коуржима.» [Перевод, с. 31]

„*Vyslal do dalekých Benátek panaše Jiřího Hluchého z Kutné Hory, aby tam koupil velké množství prudkého jedu.*“ [Оригинал, с. 98]

«Тот послал пажу **Йиржи Глухого** из Кутной Горы в далекую Венецию, чтобы он купил там большое количество сильнодействующего яда.» [Перевод, с. 35]

В последнем примере также видно, что чешские фамилии, имеющие форму прилагательных, мы склоняли согласно узусу – по правилам склонения прилагательных русского языка [17].

Некоторые немецкие имена и фамилии мы перевели транскрибированием, в чем нам помогла консультация с носителями немецкого языка: *Nehrhov* [Оригинал, с. 74] – *Нерхоф* [Перевод, с. 20]; *Leiser* [Оригинал, с. 86] – *Лейзер* [Перевод, с. 28].

В случае фамилии *Človíček* [Оригинал, с. 69] мы последовали теории Левого при переводе имен собственных: как только смысл начинает играть роль, невозможно обойтись транскрипцией, нужно применять субституцию [11, 108]. Так как *Jan Človíček* очевидно не является значимой исторической фигурой и не существует узуса употребления его фамилии в русском языке, но она стала поводом для возникновения легенды о человечках-домовых, мы воспользовались субституцией, то есть заменой русским аналогом, и перевели его как *Ян Человечек* [Перевод, с. 18].

Топонимы

Перевод названий городов не составил труда, так как эти названия уже были переведены на русский язык: *Třešť a Žirovnice* [Оригинал, с. 56] – *Тршеить и Жировнице* [Перевод, с. 9]; *Brandýs v lesích mezi Jizerou a Labem* [Оригинал, с. 60] – *Брандис в лесах между Йизерой и Эльбой* [Перевод, с. 13]; *Palestina* [Оригинал, с. 56] – *Палестина* [Перевод, с. 9].

Сложнее было с переводом Пражских кварталов. В русской традиции существует несколько вариантов перевода исторического района Праги *Staré Město*: *Старый город* [8], *Старе-место* [3], *Старое Место* [2]. Мы остановились на последнем, так как он благозвучнее, чем вариант Старе-место, и при этом не утрачивает чешский колорит, как в

случае с переводом «Старый город». Такой же логикой мы руководствовались при переводе названия района *Malá Strana*, транскрибируя его без изменений «Мала Страна», так как краткая форма прилагательного *malá* существует в русском языке и, хотя такое ее употребление нетипично, не будет резать слух читателю перевода.

При переводе улиц, имеющих форму чешских прилагательных (*Tomašská, Rytířská*) или притяжательных прилагательных (*Nerudova, Melantrichova*), мы пользовались транслитерацией в именительном падеже (ул. *Томашска*, ул. *Нерудова*) и склоняли их по правилам склонения прилагательных русского языка во всех остальных падежах (на *Мелантриховой улице*). Мы также сохранили названия улиц в начале всех глав на чешском языке на случай, если кто-то захочет руководствоваться книгой как путеводителем.

Перевод названий домов в большинстве случаев не вызывал затруднений, мы переводили их дословно, сохраняя написание второго слова с заглавной буквы с целью экзотизации перевода: *U Zlatého jelena* – *У Золотого оленя*. Исключением стало название дома *U Konví* [Оригинал, с. 69], которое мы перевели как «*У Ковша*», так как в тексте играет роль скорее фонетическая составляющая слова, нежели семантическая: в оригинале дома постоянно путали из-за похожих названий *U Zlaté konvice* и *U Konví*. Поэтому нами было принято решение отступить от верного перевода в сторону вольного с целью сохранения художественного эффекта.

При переводе названия дома *Bílá labuť* [Оригинал, с. 86] мы прибегли к транслитерации и добавили в текст дословный перевод в виде внутритекстового дополнения. Наше решение обусловлено тем, что оригинальное название дома может быть известно русскоязычному читателю благодаря одноименной трамвайной остановке. Сохранение этого названия в переводе поможет читателю лучше ориентироваться в описываемых объектах и ярче их представлять.

Для перевода названия дома *U Lilium* мы воспользовались экспликацией: то, что для чешского читателя является в этом названии очевидным – архаическая форма слова *lilie*, заимствованного из латыни, – не будет понятно русскому читателю. Поэтому мы перевели описательно: „... название «*У Лилии*», написанное и произносимое на старочешский манер, ...“ [Перевод, с. 35]

Названия произведений литературы и искусства

В случае литературных произведений мы первым делом проверяли, было ли это произведение переведено на русский язык. Например „*Povídky malostranské*“ Яна Неруды известны российским читателям как «*Малостранские повести*» [7].

Книги Эгона Эрвина Киша, упоминаемые в главе *Medvěd* [Оригинал, с. 107], не были переведены на русский язык, но одна из них – *Pasák* – послужила сценарием для одноимённого фильма, который был переведен на русский язык под названием «Девичий пастух» [19]. Такое решение переводчика показалось нам удачным в связи с двусмысленностью слова *pasák*: в чешском языке оно обозначает *пастух*, и имеет переносное значение – *суменер*. Обе эти коннотации находят отражение в книге [31], поэтому мы заимствовали переведенное название фильма. Вторая книга *Pražský Pitaval* также не имеет перевода на русский язык, но из ее описания мы узнали, что автор вдохновился на написание книги историей французского юриста по имени Gayot de Pitaval, который издал хронику уголовных процессов своего времени [27] и известен в русскоязычных источниках как Гайо де Питаваль [24]. Таким образом мы перевели название этого произведения как «Пражский Питаваль» [Перевод, с. 38].

Упоминаемая в главе *Jednorozec* [Оригинал, с. 56] картина «Дама с единорогом», в тексте оригинала приведена на французском языке, поэтому мы не стали ее переводить, но написали название согласно узусу с заглавной буквы: «La Dame à la licorne» [Перевод, с. 9].

2.3.1.2 Термины

Большую сложность при переводе составили средневековые чешские профессии и государственные должности. Например, в главе «Колесо» мы столкнулись с целым перечнем профессий, связанных с изготовлением колеса:

„*Koláři* nebo také *koloději* byli v pražských městech ve středověku silně zastoupeni. Už ve 14. století bylo mezi koláři mnoho specialistů: *nápravníci* vyráběli vozové nápravy, *kolečníci* zhotovovali trakaře a kolečka pro kameníky, zedníky a sladovníky, a později tu byli také *korbaři*, kteří zhotovovali celé vozy nákladní nebo pro dopravu osob.“ [Оригинал, с. 65]

Для трех из них нам удалось найти эквивалент в русском языке, остальные мы перевели описательно:

«В пражских городах в средние века было много представителей профессии **колесников**, или же **колодеев**. Уже в XIV веке многие из них имели свою специализацию: изготовители осей для колес, изготовители тачек и ручных тележек для каменотесов, каменщиков и солодовников; позже здесь появились также **кузовщики**, которые изготавливали грузовые и пассажирские повозки.» [Перевод, с. 15]

В главе «Корона» возникли сложности при переводе государственных должностей: „Byl z toho na smrt. V tajnosti dal zburcovat městské strážce a postupně pak do barvy nočních úborů bělaly obličej **rychtáře a konšelů**, jak je tahali z postelí a budili.“ [Оригинал, с. 73]

Нами были рассмотрены три варианта перевода. Первый вариант: оставить в переводе чешские названия и добавить определение в сноске, как их приводит Б. Рубцов в своей книге «Гуситские войны» [18]. Но это решение показалось нам неоднозначным, так как отягощало текст чешским языком. Вторым вариантом была адаптация: подобные чешским *коншелям* полномочия имели в России *ратманы* [21], а перед ними *целовальники* [16]. От этого варианта было решено отказаться, так как он грозил существенным искажением восприятия текста и чрезмерным «одомашниванием», плюс не давал непросвещенному русскому читателю представления о роде занятий такого государственного служителя. Третьим вариантом было перевести описательно, то есть не писать название профессий в текст, а заменить их определением: *konšel* и *rychtař* – «члены городского магистрата». Так, например, поступает Г. М. Лифшиц-Артемьева при переводе «Сказаний старой Праги» А. Венига [2, 81]. Наше решение основывается на концепции Левого: 1. в переводе имеет смысл сохранять только те специфические элементы, которые читатель перевода может воспринимать как характерные для чужой культуры; 2. те элементы, для которых невозможно найти эквивалент и которые в своем первоначальном виде не способны вызвать иллюзию среды оригинала, можно заменить с помощью субституции домашней нейтральной и беспризнаковой аналогией, которая не связана напрямую с временем и местом перевода [11, 111]. Мы комбинировали варианты: слово *rychtař* мы заменили на нейтральное «судья», которое не отражает всех полномочий чешского оригинала, но не противоречит ему. Чтобы компенсировать это решение, при переводе слова *konšel* мы сохранили чешское название, так как оно созвучно русскому «консул» (имеет с ним общую этимологию [30], [24]), и в отличие от «рихтарж» не будут резать слух реципиентам перевода, и добавили определение в сноске:

«Перепуганный до смерти, он втайне велел растормошить городскую стражу, и тогда поочередно, в цвет ночных сорочек и колпаков, бледнели лица судьи и коншелов³, разбуженных и поднятых из постелей.

³ Члены городских магистратов в средневековой Чехии, ведали административными, а иногда и судебными делами.» [Перевод, с. 20]

2.3.1.3 Труднопереводимые слова и словосочетания

Труднопереводимыми для нас оказались те слова, для которых в русском языке не существует эквивалентного перевода. К ним относятся, например, слова *prý* и *nechat* (в значение «сделать так, чтобы кто-то сделал что-то»). При их переводе мы всегда использовали прием конкретизации:

*„Do podoby, v jaké jej dnes známe, byl starobylý dům U Dvou zlatých medvědů přestavěn koncem 16. století Lorencem Štorkem, který také **nechal** vytvořit nádherně zdobený portál.“*
[Оригинал, с. 106]

*«В своем современном виде старинный дом «У Двух золотых медведей» предстал в конце XVI века, после реставрации Лоренцем Шторкем, который также **велел** создать роскошно украшенный портал.»* [Перевод, с. 37]

*„Vrcholem lovu v panském podání se jistě nadlouho stala „pokojová honitba“, Leopolda I., který roku 1680 **nechal** vypustit divokou kočku do rudolfínského Španělského sálu Pražského hradu...“* [Оригинал, с. 60]

*«Апогеем охоты у дворян надолго стала “охота в палатах” Леопольда I, который в 1680 году **приказал выпустить** дикую кошку в рудольфинском Испанском зале Пражского Града...»* [Перевод, с. 12]

*„Hada **prý** jelen ucítí na velkou dálku, třikrát bojovně zatroubí a plaza rozdupe.“* [Оригинал, с. 59]

*«**Считалось**, что олень почувствует его издалека, по-боевому три раза протрубит и гада растопчет.»* [Перевод, с. 11]

*„Nejvíc si **prý** pochvaloval krásné podzemní ticho, které skrz silné kamenné zdi nerušily žádné zvuky velkoměsta.“* [Оригинал, с. 70]

*«**Говорят**, что его особенно восхищала приятная подземная тишина, которую через толстые каменные стены не нарушал ни один звук большого города.»* [Перевод, с. 18]

Также трудности возникли при переводе следующего предложения:

*„A jsou tu i zkrotlí a mírní barokní lvi s chundelatou srstí a krátkými svalnatými tlapami, připomínající spíš **mongolské psíky**, kteří se lísají k nohám barokních soch.“* [Оригинал, с. 106]

Нам не удалось найти данную породу собак ни в одном справочнике. Так как книга издана недавно мы, воспользовались уникальной возможностью и обратились напрямую к автору книги А. Йежковой, с целью узнать, что подразумевалось в данном предложении. В результате нашей консультации мы узнали, что речь не идет о конкретной породе, а о небольших азиатских собачках в общем. В России типичной и одной из самых распространенных пород азиатских небольших собак является пекинес, поэтому нами было принято решение применить в этом случае конкретизацию и повысить тем самым образность перевода:

*«Есть тут и укрощенные, смиренные львы с лохматой шерстью и короткими мускулистыми лапами, напоминающие скорее **пекинесов**, которые трутся о ноги барочных скульптур.»* [Перевод, с. 31]

2.3.2 Грамматический уровень

Комиссаров выделяет четыре приема грамматических трансформаций: дословный перевод, объединение предложений, членение предложений и грамматические замены [5, 162]. Подробно рассмотрим каждый из них.

В своей работе мы старались не злоупотреблять приемом дословного перевода, или же нулевой трансформацией, чтобы избежать синтаксической интерференции. Однако были случаи, когда мы могли заменить синтаксическую структуру оригинала на аналогичную структуру в русском языке, не нарушая при этом норму:

„V domě, který hlídá, byla první pražská knihtiskárna Václava Bakaláře z Kouřimi.“ [Оригинал, с. 91]

«В доме, который он охраняет, была первая пражская типография Вацлава Бакаларжа из Коуржима.» [Перевод, с. 31]

„Lilii jako pradávný symbol čisté lásky ke všemu živému převzala křesťanská tradice.“ [Оригинал, с. 97]

«Лилию как стародавний символ чистой любви ко всему живому переняла христианская традиция.» [Перевод, с. 34]

Так как в тексте оригинала много длинных предложений, и при переводе на русский язык они, как правило, становятся еще длиннее, мы редко прибегали к приему объединения предложений. Чаще всего это было обусловлено неполнотой предложения в тексте перевода или стилистикой:

„*Byl z toho na smrt. V tajnosti dal zburcovat městské strážce...*“ [Оригинал, с. 73]

«Перепуганный до смерти, он тайне велел растормошить городскую стражу...» [Перевод, с. 20]

Гораздо чаще мы обращались к обратному приему – членение предложения. Таким образом мы пытались облегчить синтаксис текста перевода и достичь более последовательного и структурированного повествования:

„*Jakýsi kolemjdoucí užasl, když našel městskou pečeť ve strouze plné odpadků před purkmistrovým domem, vzal ji a zanesl na radnici.*“ [Оригинал, с. 78]

«Какой-то прохожий ужасно удивился, обнаружив городскую печать в сточной канаве, полной всякого мусора. Тогда он подобрал ее и отнес в ратушу.» [Перевод, с. 22]

„*Bílou lilii důvěrně známe z venkovských zahrádek našich babiček, dodnes také kytice lilí na oltáři plní svou otatnou vůni mnohé vesnické kostelíky.*“ [Оригинал, с. 73]

«Белая лилия хорошо известна большинству чехов благодаря деревенским огородам бабушек. А еще букеты лилий на алтаре до сих пор наполняют своим чарующим ароматом многие сельские церквушки.» [Перевод, с. 34]

К заменам на уровне грамматической категории мы прибегали, например, там, где русский язык предпочтет глагол действительного залога страдательному причастию:

„*Ve starověku **byl** kůň **uctíván** jako silné zvíře, spojené s pohybem, energií a posléze s vojenským úspěchem.*“ [Оригинал, с. 81]

«В древние времена конь **почитался** как сильное животное, связанное с движением, энергией, а позже и с военными успехами.» [Перевод, с. 24]

„*Černý koníček v pozici domovního znamení **je zmiňován** od roku 1599.*“ [Оригинал, с. 83]

«Черный конек в роли домового знака **упоминается** с 1599 года.» [Перевод, с. 26]

Форма совместного действия повелительного наклонения (то есть императив для 1 лица, мн.ч) в чешском языке образуется от всех глаголов суффиксальным способом [12], в то время как в современном русском литературном языке такая форма встречается у небольшой группы глаголов [14]. При переводе мы применили грамматическую трансформацию и воспользовались аналитической формой императива совместного действия:

„**Věřme raději**, že černý křížek v Martinské je na domě jen jako ochranné znamení či snad jako připomínka hřbitova, se kterým sousedil.“ [Оригинал, с. 78]

«**Давайте лучше надеяться**, что черный крестик на Мартинской улице служит только для охраны дома или как напоминание о кладбище, которое было тут по соседству.» [Перевод, с. 23]

„Spolu s dobrými duchy lékárníků, kteří v blízkém okolí skoro šest set let drtili pilulky v mosazných hmoždířích, **věřme**, že čas dokáže vyléčit i slepotu ke vnímání genia loci a tradice.“ [Оригинал, с. 98]

«Вместе с добрыми духами аптекарей, которые неподалеку отсюда в течение почти шестисот лет измельчали пилюли в латунных ступках, **давайте будем верить**, что время сможет вылечить слепоту к восприятию *genius loci* и традиций.» [Перевод, с. 36]

Также мы заменяли императив совместного действия безличными предложениями:

„Prapočátek víry v jednorožce a léčivé účinky jeho rohu **hledejme** ve východní Asii a Africe...“ [Оригинал, с. 57]

«Начало веры в единорогов и целительные свойства их рогов **нужно искать** в восточной Азии и Африке...» [Перевод, с. 9]

„Aby vám nebylo smutno z té prapodivné shody náhod ústící do tragického konce, **dodejme**, že příběh zaznamenal Václav Hájek z Libočan...“ [Оригинал, с. 78]

«Чтобы вам не было грустно из-за этого невероятного стечения обстоятельств с трагическим концом, **стоит добавить**, что историю эту описал Вацлав Гаек из Либочан...» [Перевод, с. 22]

К грамматической замене частей речи мы обращались в случае несовпадения грамматической сочетаемости слов в чешском и русском языках или в целях сохранения стилистики. В следующем примере мы заменяем наречие прилагательным:

„V domě **nakrátko** našel útočiště Fridrich Falcký...“ [Оригинал, с. 71]

«Этот дом стал **временным** убежищем для Фридриха V Пфальцского...» [Перевод, с. 18]

В чешском языке широко используются прилагательные, произведенные от названий архитектурных направлений, в то время как для русского литературного языка привычнее аналитическая форма, то есть существительное «в *стиле*» + *название стиля*. Этой схемы мы придерживались при переводе:

„*Rokokový reliéf konvice na fasádě pochází z 2. poloviny 18. století.*“ [Оригинал, с. 71]

«Рельеф кувшина **в стиле рококо** на фасаде относится ко второй половине XVIII века.» [Перевод, с. 18]

„*Podle projektů architektů Josefa Kittricha a Josefa Hrubého vznikl skleněný palác s železobetonovou kotrrou ve **funkcionalistickém** stylu...*“ [Оригинал, с. 86]

«По проекту архитекторов Йозефа Киттриха и Йозефа Грубого возник стеклянный дворец **в стиле функционализм** с железобетонным каркасом...» [Перевод, с. 28]

Грамматические замены в предложении мы проводили там, где это могло облегчить синтаксис или повысить стилистику перевода. Например, мы заменяли обстоятельственные придаточные предложения на существительные с предлогом:

„*Když přišel druhý den Jiřík do městské rady, neuměl říct, kde městskou pečeť zanechal – snad doma, vzpomněl si.*“ [Оригинал, с. 78]

«На следующий день по приходу в городской совет бургомистр не мог ответить, где оставил печать, и подумал, что, наверное, дома.» [Перевод, с. 22]

„*Když purkmistr pečeť doma nenašel, ukázali mu ji a řekli, kde byla nalezena.*“ [Оригинал, с. 78]

«После безуспешных поисков ему показали печать и рассказали, где она была найдена.» [Перевод, с. 22]

Безличные предложения при переводе часто заменялись неопределенно-личными:

„*Podle majitele Štěpána z Kladska, který dům vlastnil počátkem 15. století, se domu říkalo také Štěpánkovský.*“ [Оригинал, с. 69]

«По словам Штепана из Клодзко, который владел домом в начале XV века, его также называли Штепанковский.» [Перевод, с. 17]

„Zatím neonová labuť za noci trpělivě září nad Prahou a od června do ledna se zhlíží ve své nebeské sestře z hvězd, které se také říká severní kříž.“ [Оригинал, с. 86]

«А пока неоновый лебедь терпеливо горит над ночной Прагой и с июня по январь любуется своим небесным братом из звезд, которого также называют Северный крест.» [Перевод, с. 29]

К трансформациям на синтаксическом уровне мы прибегали чаще всего в связи с различиями чешской и русской языковой нормы. Например, в некоторых случаях мы заменяли глаголы-связки на тире:

*„Rohy jednorožce ze šlechtických sbírek a chrámových pokladnic **jsou** většinou kly mrožů či narvalů.“* [Оригинал, с. 57]

«А вот рога единорогов из дворянских коллекций и сокровищниц храмов – это, чаще всего, бивни моржей или нарвалов.» [Перевод, с. 9]

Там, где этого требовала грамматика русского языка, мы заменяли тире на двоеточие, например, после обобщающего слова:

„Vyjadřuje čtyři směry prostoru, čtyři základní živly – oheň, vodu, zemi a vzduch, které se v průsečíku setkávají v jednotě.“ [Оригинал, с. 77]

«Он обозначает четыре стороны света, четыре основные стихии: огонь, воду, землю и воздух, – которые в пересечении сливаются воедино.» [Перевод, с. 21]

Также, согласно правилам, мы обособляли приложения:

„Podle legendy ji jako znak čistoty už v 6. století přijal také divoký francký vojevůdce Chlodvík při svém křtu.“ [Оригинал, с. 97]

«Легенда гласит, что Хлодвиг, своенравный предводитель франков, уже в VI веке избрал лилию символом очищения во время своего крещения.» [Перевод, с. 34]

Этот пример иллюстрирует изменение порядка слов на более привычный для восприятия русскоязычным читателем: подлежащее предшествует сказуемому. Тем самым мы хотели сохранить когерентность текста и облегчить понимание.

2.3.3 Прагматический уровень

Если в случае оригинала реципиентом является представитель того же языка и культуры, что и автор, то, естественно, он обладает фоновыми знаниями о собственном государстве (например, каждый чех знает, что Пражский град был резиденцией чешских королей, а в настоящее время - президента). Реципиенту перевода, напротив, таких знаний будет при чтении не хватать. С другой стороны, странно предполагать, что такую книгу решит прочитать человек, совершенно не знакомый с чешской культурой. Исходя из этих соображений, мы лишь изредка вносили изменения на прагматическом уровне, только там, где это было действительно необходимо, и постарались свести к минимуму количество сносок и внутритекстовых дополнений, чтобы не нарушать структуру и стилистику исходного текста.

Комиссаров выделяет четыре основных вида прагматической адаптации перевода [5, 137]. Наиболее частым видом прагматической адаптации в нашем переводе была адаптация первого вида, направленная на адекватное понимание сообщения рецепторами перевода [5, 137]. В некоторых случаях мы достигали ее путем добавления информации, которая для чешского читателя является имплицитной, например:

„Spisovatel Jan Wening v jedné ze svých knih popisuje setkání s Egonem Ervínem Kischem na ruzyňském letišti v roce 1946...“ [Оригинал, с. 107]

«Писатель Ян Вениг в одной из своих книг описывает встречу с Эгоном Эрвином Кишем в пражском аэропорту „Рузине“ в 1946 году...» [Перевод, с. 38]

*„Nějakou dobu byly **přemyslovská orlice** a **stříbrný lev** českými panovníky užívány souběžně, až ve 13. století za krále Přemysla Otakara I. lev v českém znaku nad orlicí zvítězil.“* [Оригинал, с. 90]

*«Некоторое время **орлица – герб**, заведенный родом **Пржемысловичей**, и серебряный лев использовались наравне, вплоть до XIII века, когда во время правления короля Пржемысла Отакара I лев в чешском гербе возобладал.»* [Перевод, с. 30]

*„... kterou se rozléhaly lovecké rohy už **za Přemysla Otakara II.**“* [Оригинал, с. 60]

*«По нему разносились звуки охотничьих рожков **уже в XIII веке во времена правления Пржемысла Отакара II.**»* [Перевод, с. 12]

В некоторых местах нашего перевода мы прибегли к приему опущения: неизвестные реципиенту детали опускались для достижения адекватного понимания [5, 139]:

„V kronikách se také dočtete, že v roce 1402 tu nějací zloději „v medárně“ propili svůj lup.“
[Оригинал, с. 73]

«В хронике также можно прочесть, что какие-то воры в 1402 году здесь пропили свою добычу.» [Перевод, с. 19]

„Konvice na domě ve středověku značila pohostinnost pána domu, nebo bývala vývěsním štítem šenku či výčepu.“ [Оригинал, с. 69]

«Кувшин на доме обозначал в средние века гостеприимство хозяина дома или служил вывеской для питейных заведений.» [Перевод, с. 17]

Последний пример также можно отнести к приему генерализации. Мы прибегли к нему, потому что в России пивная культура не так развита, как в Чехии, и для большинства терминов, связанных с этой культурой, в русском языке нет эквивалентов.

Там, где использование внутритекстовых дополнений было недостаточным или невозможным ввиду стилистики, мы воспользовались сносками внизу страницы:

„Koláři nebo také koloději byli v pražských městech ve středověku silně zastoupeni.“
[Оригинал, с. 65]

«В пражских городах² в средние века было много представителей профессии колесников, или же колодеев.

² Прага состояла из четырех самостоятельных городов: Старое Место, Градчаны, Мала Страна и Вышеград, вплоть до их объединения в XVIII веке. » [Перевод, с. 15]

„Na jeleny chodívalo panstvo do Jeleního příkopu u Pražského Hradu a na ptáky do sousední bažantnice se dvěma rybníky.“ [Оригинал, с. 65]

«На оленя охотились дворяне в Оленьем рву у Пражского Града¹, а на птицу – в соседнем фазаньем заповеднике с двумя прудами.

Резиденция чешских королей и императоров Священной Римской империи, в настоящее время — резиденция чешского президента. Здесь и далее прим. переводчика.» [Перевод, с. 12]

Необходимость прагматической адаптации возникла и там, где автор использовала старочешский язык. Мы уже описывали подобный случай в главе про перевод топонимов (*dům U Lilium*): для чешского реципиента архаичность закодирована непосредственно в

тексте и при переводе утрачивается для русского читателя. Нами был рассмотрен вариант перевода старочешского языка с помощью старославянского или церковнославянского языков: такое решение помогло бы достичь временных соответствий, но сильно искажало бы географические и вызывало бы у реципиентов неправильные коннотации. Поэтому мы, как и в случае «Лилии», воспользовались описательным переводом. Наше решение сказалось на стилистике, но это не так критично, как искажение смысла:

«*A nápis pod ním připomíná: “Zde slove od starodávna u Nedvídků”.*» [Оригинал, с. 108]

«*А надпись на старочешском языке напоминает, что дом с давних пор назывался “У Медвежат”.*» [Перевод, с. 39]

Стоит добавить, что сложности возникли уже на этапе понимания семантики старочешской надписи. Например, оказалось, что слово „*slove*“ является архаической формой 3 лица единственного числа чешского глагола „*slout*“ (родственного русскому «слыть»), которое переводится как «быть известным», «называться» [32]. Также примечательно, что автор не сохранила графический вид старочешского текста в том виде, в котором он отображен на описываемом доме. В его первоначальном виде все буквы - прописные, вместо *V* используется *W* и нет диакритических знаков. Исходя из этого, мы не можем точно сказать, являлось ли слово *Nedvídků* фамилией, и поэтому позволили себе перевести его просто, как «Медвежат» [29].

Так как автор оригинала и его реципиенты являются представителями одного народа, автор может отождествлять себя с читателем. Такие случаи также требуют прагматических адаптаций перевода, так как он предназначен для представителей другого народа:

„*Bílou lilii důvěrně známe z venkovských zahrádek **našich** babiček...*“ [Оригинал, с. 97]

«*Белая лилия хорошо известна большинству **чехов** благодаря деревенским огородам бабушек.*» [Перевод, с. 34]

„*Kůň byl však také věrným společníkem a služebníkem svého pána, a v takové podobě vystupuje i v **našich** pověstech a pohádkách...*“ [Оригинал, с. 81]

«*В то же время конь был верным другом и слугой своего господина, именно таким он предстает в **чешских** легендах и сказках.*» [Перевод, с. 24]

2.3.4 Стилистический уровень

Одной из главных и сложнейших задач нашего перевода была передача авторского идиолекта. Нам не всегда удавалось передавать экспрессивность выбранных автором выражений, например, это касается следующего предложения:

„Pokud víme, tak konvice na domě v Melantrichově 20 neznačila dílnu cínaře, ale mnohem pravděpodobněji na přelomu 14. a 15. století vyjadřovala činnost, která měla s holdováním lahodnému moku také mnoho společného – bývala tu totiž košterská vinárna, kde kvalitu vín oficiálně posuzovali královští purkmistři.“ [Оригинал, с. 69]

При переводе мы воспользовались третьим типом прагматических адаптаций по Комиссарову, значительно отклонились от исходного текста и «передали не сказанное, а подразумеваемое» [5, 142]:

«Насколько известно, кувшин на доме по адресу ул. Мелантрихова, 20 не указывал на мастерскую оловящика, но, скорее всего, на рубеже XIV и XV веков обозначал место, имеющее много общего с питейным заведением, а именно дегустационный винный погреб, где о качестве вин официально судили королевские бургомистры.» [Перевод, с. 17]

Наше решение кажется нам в данном контексте уместным, потому что консультация с носителями языка показала, что это предложение в оригинале тяжело воспринимается и ими. Переводчик не может позволить себе оставлять в тексте такие сложные неоднозначные конструкции, потому что у читателя скорее возникнут сомнения в его компетентности, нежели осознание авторского замысла.

Напротив, удачным мы находим наш перевод следующего предложения:

„Slibný výhonek pro pozdější košatou lidovou pověst!“ [Оригинал, с. 73]

В данном случае мы сохранили «растительную» метафору и при этом использовали более привычную российским читателям коннотацию:

«Благодатная почва для людской молвы!» [Перевод, с. 19]

Также на протяжении всего текста мы старались использовать книжную и разговорную лексику, как это делает автор оригинала. Те моменты, где мы заменяли нейтральные выражения стилистически окрашенными, можно отнести к приему компенсации, потому что, как утверждает Комиссаров, компенсация — это передача

утраченных при переводе элементов смысла, которая осуществляется иным средством и не обязательно в том же месте текста, что и в оригинале [5, 166]. Приведем примеры использования книжной лексики: «*в пучине веков*» [Перевод, с. 10] «*золотых дел мастер*» [Перевод, с. 26], «*вступил на духовный путь*» [Перевод, с. 12], «*печальный исход*» [Перевод, с. 18], «*вечный покой*» [Перевод, с. 20]. И разговорной: «*и куда делась*» [Перевод, с. 8], «*рукой подать*» [Перевод, с. 17] «*сельские церквушки*» [Перевод, с. 34], «*в таинственных закоулках*» [Перевод, с. 18], «*неразбериха*» [Перевод, с. 18], «*его завсегдааем был*» [Перевод, с. 18].

Resumé

Cílem této bakalářské práce byl překlad jedenácti kapitol z knihy Aleny Ježkové *Strážci pražských ulic* do ruštiny a vypracování odborného komentáře. V komentáři byla provedena analýza originálu, na základě které byla zvolena koncepce překladu. Poté byla vypracována typologie překladatelských problémů a metody jejich řešení. Také byl představen popis překladatelských posunů, kterých se překladatel při své práci dopustil.

Резюме

Целью данной бакалаврской работы был перевод одиннадцати глав из книги Алёны Ёежковой «Стражи пражских улиц» на русский язык и написание комментария к переводу. В комментарии был произведен анализ оригинала, на основе которого была выбрана стратегия перевода. Затем была представлена типология переводческих проблем и способы их решения. Также были приведены примеры переводческих трансформаций, к которым пришлось прибегнуть в процессе перевода текста.

Summary

The purpose of this bachelor thesis was a Russian translation of eleven chapters of the book *Strážci pražských ulic* by Alena Ježková and writing a commentary on the translation. The commentary contains an analysis of the source text, based on which the translation strategy was chosen. Then a typology of translation problems and ways to solve them were presented. There were also examples of translational transformations, which had to be resorted to in the process of the translation.

Список использованной литературы

Основная литература

[1] Ježková, A. Strážci pražských ulic. Praha: Mladá Fronta, 2006. с. 56-107.

Дополнительная литература

[2] Вениг, А. Сказания старой Праги / А. Вениг ; [Перевод, с. еревод, с. ер. с чешс. Г.М. Лифшиц-Артемьева]. – М.: Изд-во «Э», 2018. – 384 с.

[3] Горкин А.П. Страны и города: Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Изд-во Росмэн, 2007.

[4] Зализняк, А. А. Грамматический словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1980. - 880 с.

[5] Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учеб. пос. — М.: ЭТС, 2001. — 424 с.

[6] Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.

[7] Неруда Я. Малостранские повести / Ян Неруда; Пер. с чеш. [Ю. Молочковского, А. Соловьевой]; - М. : Худож. лит. ; Прага : Одеон, 1986. – 237 с.

[8] Рыбар Ц. Путеводитель по Праге. - Прага: Изд-во Олимпия, 1975. - 287 с

[9] Современный русский язык: Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Под ред. Л. Р. Дускаевой. – СПб.: Питер, 2014. – 352 с.

[10] Čechová. M. et. al. Stylistika současné češtiny. Praha: NLN, 2008.

[11] Levý, J. Umění překladu. 4., upr. vyd. Praha: Apostrof, 2012.

Электронные ресурсы

- [12] Википедия — свободная энциклопедия. URL: <https://cs.wikipedia.org>
- [13] Голуб И.Б. Стилистика русского языка. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/> (дата обращения: 11.02.2019)
- [14] Дуденкова А.А. Функционирование форм императива на -мте в русском языке (2013). URL: <http://www.philology.ru> (дата обращения: 25.04.2019)
- [15] Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь. URL: <https://studfiles.net/> (дата обращения: 11.02.2019)
- [16] Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas> (дата обращения: 09.03.2019)
- [17] Розенталь Д.И. Справочник по правописанию и стилистике. URL: <http://www.rosental-book.ru/> (дата обращения: 09.04.2019)
- [18] Рубцов Б. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV века в Чехии). URL: <https://www.e-reading.club/> (дата обращения: 12.03.2019)
- [19] Садуль Жорж. Том 4. Часть 2. Голливуд. Конец немого кино, 1919-1929. URL: <https://www.rulit.me/> (дата обращения: 10.4.2019)
- [20] Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/>
- [21] Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia (дата обращения: 12.03.2019)
- [22] Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <http://gramota.ru/>
- [23] Толковый словарь Даля. URL: <http://slovardalja.net/>

- [24] Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 12.03.2019)
- [25] Alena Ježková. URL: <http://www.alenajezkova.cz/autorka> (дата обращения: 19.4.2019)
- [26] Časopis Naše řeč. URL: <http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php> (дата обращения: 21.2.2019)
- [27] Databaze knih. URL: <https://www.databazeknih.cz/> (дата обращения: 03.03.2019)
- [28] Internetová jazyková příručka. URL: <http://prirucka.ujc.cas.cz/>
- [29] Janošíková P. Staročeské názvy savců. Jejich původ a vývoj v nové češtině. 2012. Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Filozofická fakulta. Vedoucí práce PhDr. Ilona Janyšková, CSc. URL: https://is.muni.cz/th/s46k1/Diplomova_prace.pdf (дата обращения: 09.03.2019)
- [30] Ottův slovník naučný. URL: <http://www.digitalniknihovna.cz/nkp> (дата обращения: 14.03.2019)
- [31] Recenze a kritiky. Egon Erwin Kisch: Pasák URL: <https://www.odaha.com/> (дата обращения: 03.03.2019)
- [32] Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz/search.php?db=ssjc> (дата обращения: 09.03.2019)

Приложение: текст оригинала